[illegible]

Книгоиздательство „Новое Товарищество“.

Подъ редакціей С. Нечетнаго и А. Рудина.

Л.

Лазарев, Егор Егорович.

Какъ крестьянамъ дали волю.

Цѣна 4 коп.

МОСКВА

1906

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ГЕО
Л 154 Р

ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Дозволено цензурою. Ростовъ на Д. 17 августа 1905 г.

1100
2/8 124600

Москва.
Типографія Ф. Я. Бурче, Кудринская пл., д. Курносовыхъ.
1906 г.

I.

19 февраля.

19 февраля 1855 года, подъ громъ севастопольскихъ пушекъ, подъ глухіе стоны тысячъ умиравшихъ русскихъ солдатъ, среди тяжкихъ вздоховъ крѣпостного народа—вдругъ разнесся протяжный, казенный колокольный звонъ по всей Русской Землѣ. Умеръ царь Николай Павловичъ и воцарился Александръ II. Засуетились по всей Руси чиновники, господа и помѣщики, понадѣвали на себя казенные парадные мундиры и трехуголки и тревожно поѣхали въ церкви; туда же погнали угрюмый, подневольный, крѣпостной народъ. Въ церквахъ прочитали попы о восшествіи на престолъ молодого царя Александра II и привели всѣхъ къ присягѣ. Разъѣхались чиновники снова по своимъ канцеляріямъ, помѣщики по своимъ усадьбамъ, а крѣпостной народъ опять, какъ и раньше, погнали на барщину.

Въ теченіе шести лѣтъ съ тѣхъ поръ въ этотъ день по звону церковнаго колокола выползали изъ своихъ норъ чиновныя крысы и помѣщики и ѣхали въ церкви, къ попамъ, справлять праздникъ восшествія на престолъ новаго государя. А рабочій народъ смотрѣлъ издали, тяжело вздыхалъ и молчалъ. Для него тутъ не было никакого праздника. Для него тянулись все тѣ же тягостные и унылые будни...

Но вотъ шесть лѣтъ спустя, въ тотъ же день 19-го февраля 1861 года—вдругъ прозвучалъ новый колоколъ и встрѣтилъ новый откликъ во всей трудовой Руси...

Звонкимъ, зычнымъ голосомъ разнеслись его радостные звуки по Русской Землѣ изъ конца въ конецъ и потрясли, взволновали, оживили милліоны наболѣвшихъ сердецъ.

На этотъ разъ пасмурно высматривали лица помѣщиковъ и чиновныхъ крысъ; тревожно осматривались они вокругъ, волками смотрѣли на оживленныя и радостныя лица крестьянъ; за то встрепенулся крѣпостной рабочій народъ: оживились сердца, просіяли крстьянскія загорѣлыя лица, и полились изъ очей слезы чистой, дѣтской радости.

„Воля! воля! воля!“ на всю Русь гудѣлъ колоколъ.

„Воля! воля! воля!“ отдавалось въ широкихъ поляхъ и лѣсахъ, въ каждой курной избушкѣ, по городамъ, по селамъ и деревнямъ. „Воля! воля! воля!„ шепталъ умирающій на печкѣ старикъ. „Воля! воля! воля!“ лепеталъ двухлѣтній младенецъ.

Запрудилъ народъ улицы, площади, церкви; затерялись, потонули мундиры въ этой необъятной народной толпѣ, какъ капля въ безбрежномъ морѣ... Это былъ не казенный и не поповскій праздникъ, не царскій день, это былъ народный торжественный праздникъ, это праздновалъ свое освобожденіе крѣпостной рабочій людъ... Этимъ днемъ 19 февраля онъ думалъ начать новую, болѣе свѣтлую жизнь...

* * *

Шелъ годъ за годомъ. Ежегодно раздавался въ этотъ день, 19 февраля, колокольный звонъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ гуще набѣгали печальныя тѣни на лица рабочаго люда. Все рѣже и рѣже озарялись эти загорѣлыя лица радостной, праздничной улыбкой. Надежды на новую свѣтлую и привольную жизнь куда-то уплыли и пропали. Опять потянулись тягостные, сѣрые, трудовые будни, и не прогоняетъ ихъ колокольный звонъ 19-го

февраля. Подъ этотъ звонъ по прежнему стали съѣзжаться по церквамъ больше все шитые мундиры да фуражки съ кокардами, казенныя головы съ казенными мыслями—не о народномъ освобожденіи, конечно, а о завтрашнемъ „двадцатомъ числѣ“, когда по всѣмъ присутствіямъ, канцеляріямъ, казначействамъ и управамъ чиновники получаютъ свое ежемѣсячное жалованье.

А народъ снова повѣсилъ голову и снова думалъ свою тяжелую думу...

Наконецъ смолкли и церковные колокола. Не стало видно въ этотъ славный день ни церковныхъ торжественныхъ службъ, ни мундировъ, ни военныхъ парадовъ... Стихло все и замерло, какъ будто самая память о великомъ народномъ праздникѣ быльемъ поросло. Забыли цари, забыли дворяне, богачи и чиновники—забыли все, что волновало изстрадавшійся въ кабалѣ народъ. Но рабочій народъ и всѣ его истинные, нелицемѣрные друзья не могли забыть этого дня. Нѣтъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше вспоминается имъ то время, когда такъ жадно ждали рабочіе люди благой вѣсти о волѣ.

Опять та же барщина, та же неволя: опять страдаютъ и томятся милліоны рабочаго народа, опять не въ терпежъ становится имъ тяжелая доля. Старое 19 февраля не дало народу всего того, чего онъ ждалъ и на что надѣялся. И каждый годъ этотъ день, 19 февраля, напоминаетъ ему о томъ, что настоящая воля, настоящій свободный трудъ на себя, а не на праздныхъ тунеядцевъ-богачей да на спѣсивую чиновную шайку, —еще гдѣ-то тамъ, впереди, за вереницей долгихъ будничныхъ дней, полныхъ горькой нужды и угнетенія...

II.

Царскій манифестъ.

Не со вчерашняго дня, однако, стали снова омрачаться лица трудового люда. Ужъ вскорѣ послѣ царскаго манифеста о волѣ крестьяне вдругъ почувствовали, что съ волей дѣло какъ будто неладно.

Со слезами радости сходился крѣпостной народъ по церквамъ выслушать царскую волю. Онъ вѣрилъ въ царя и готовъ былъ все забыть, все простить, что съ нимъ раньше дѣлали. А чего-чего не переиспыталъ онъ при крѣпостномъ правѣ! Помѣщики помыкали мужиками, какъ хотѣли,—морили на работѣ, запарывали на конюшнѣ, силкомъ женили и выдавали замужъ, насильничали и дѣлали всякія надругательства надъ крестьянскими женами и дочерьми, вымѣнивали и продавали крѣпостныхъ, мѣняли людей на собакъ; цари и царицы однимъ почеркомъ пера лишали свободы цѣлыя деревни, раздаривая ихъ въ собственность своимъ любимцамъ, придворнымъ прихвостнямъ и лизоблюдамъ; попы внушали мужикамъ полное повиновеніе и покорность начальству и помѣщикамъ, обѣщая награду на томъ свѣтѣ. И все это народъ,—незлобивый, какъ младенецъ,—готовъ былъ забыть и простить, какъ только прозвучалъ звонъ церковнаго колокола, созывавшаго народъ выслушать царскую волю...

„Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный русскій народъ!“ гласилъ манифестъ. И тысячи, милліоны рукъ поднялись, творя крестное знаменіе: отъ всей души, со слезами на глазахъ, съ трепетнымъ сердцемъ, рыдая отъ радости, молился народъ за „Царя Освободителя“; молился такъ горячо, какъ не молился уже многіе вѣка.

А попы продолжали читать дальше и дальше желанный манифестъ. Прочли до конца, сложили бумагу — а народъ не понялъ ничего... О волѣ ничего не сказано; но народъ и не думалъ объ этомъ. Сказано „свободный трудъ“ — чего же еще больше, значитъ — настала воля. Насчетъ земли — тоже ничего не поняли. Слышали, что въ манифестѣ поминалось про „пахаря“, про „плугъ“, про „борозду“ да про „плоды“. Ну — думаетъ народъ — значитъ, земля — наша, царь за мужиковъ стоитъ: бери, говоритъ, пахарь, свой плугъ и паши, гдѣ хочешь! Такъ понялъ и истолковалъ народъ царскій манифестъ, написанный не простымъ языкомъ, а какой-то чиновничье-поповской тарабарщиной. Чего самъ народъ ждалъ, то онъ и царю приписалъ. Первое время и слушать ничего не хотѣлъ, только молился за царя да плакалъ отъ радости.

III.

Первый блинъ да комомъ.

Наконецъ, съ легкимъ сердцемъ оправилъ народъ свои сохи и плуги, собирается міромъ выѣзжать въ поле — свою землю пахать... А земли-то сколько! — ширь необъятная! паши, сколько силъ хватитъ!.. Вдругъ подъ окошками опять старосты да десятники стоятъ да палкой стучатъ: „Эй, Сидоръ, Иванъ! на барщину! Криволучье пахать!“

— „Какая барщина?!“ спрашиваетъ народъ. „Что вы, съ ума, что ли, спятили съ вашимъ бариномъ? не слыхали нешто манифеста!“

— „Ничего не знаю, братцы, а только пріѣхало начальство и говоритъ, что царь, вишь, помѣщиковъ жалѣючи, — чтобы ихъ, значитъ, не сразу по міру пустить, — велѣлъ мужикамъ еще два года на нихъ поработать, на барщину походить.“

Опѣшилъ народъ, ничего не понимаетъ.

Всюду мировые посредники появились, тоже изъ дворянъ-помѣщиковъ,— споры между крестьянами и помѣщиками, вишь, улаживать. И они тоже говорятъ, что еще два года царь велѣлъ ходить на барщину, и что пока крестьяне не поладятъ съ господами своими, они будутъ числиться временно-обязанными; а тѣмъ временемъ мужики должны будутъ порѣшить, чего они хотятъ: пойти ли на оброкъ или на выкупъ.

— Какой такой „оброкъ“? какой „выкупъ“? спрашиваетъ народъ.

— А вотъ въ „Положенiи объ улучшенiи быта помѣщичьихъ крестьянъ“ въ такой-то статьѣ прямо сказано, что если крестьяне желаютъ выкупить землю у помѣщика, то они могутъ требовать себѣ *большого*, *средняго* или *малаго* надѣла. А если не хотятъ въ вѣчное владѣнiе пріобрѣтать, то пусть на оброкъ садятся, т. е. ежегодно платятъ аренду помѣщику. А если, говоритъ, ни того, ни другого не хотите, то можете идти въ городъ и приписаться въ мѣщане, а вашу избенку продать или сломать, потому что земля нужна помѣщику. Такъ царь установилъ. Его воля царская, а мы только его исполнители-чиновники.

Заволновался народъ. Вѣрить никто не хочетъ, чтобы царь такую волю далъ: „Нашу собственную землю крестьянскую, вѣками нашей кровью-потомъ политую— помѣщикамъ отдалъ!.. Да гдѣ это видано, чтобы мужики свою землю выкупали да у помѣщиковъ въ аренду брали? Обманываютъ помѣщики и чиновники, скрываютъ отъ народа настоящую волю,—и народъ, и царя обманываютъ! Погоди, вотъ узнаетъ царь, онъ имъ задастъ, мошенникамъ! Братцы, не поддавайся, не идемъ на выкупъ!“

Такъ толковали мужики. Они думали, что ежели ихъ освобождаютъ, такъ это значитъ, что дошла до царскаго престола крестьянская слеза: царь узналъ—каково живется подъ помѣщиками его возлюбленному народу. Царь-де и раньше хотѣлъ народу добра, да только не зналъ, не вѣдалъ ничего,—а теперь провѣдалъ. А если такъ, значитъ, и воля должна быть настоящая, полная: *вольные крестьяне* на *вольной землѣ*. Вотъ какъ думалось крестьянамъ.

Но дѣло то было не такъ просто, какъ имъ думалось. Посмотримъ же какъ дѣло было.

IV
Царь Николай 1.

Почему состоялось на Руси освобожденіе крестьянъ? Этого крестьяне толкомъ не знали. За то знали объ этомъ даже очень хорошо наверху, около царя и министровъ.

Передъ Александромъ Вторымъ, котораго народъ прозвалъ „царемъ освободителемъ“, на престолѣ царскомъ сидѣлъ его отецъ, Николай Первый. Человѣкъ онъ былъ грубый, суровый, жестокій и ума недалекаго. Круто при немъ приходилось всему народу и солдатамъ , и образованнымъ людямъ. Для народа не было ни суда, ни управы; вмѣсто судовъ и законовъ царили произволъ, крючкотворство; стряпчіе были взяточники, начальство—дневные грабители. Солдатъ при немъ замаривали на шагистикѣ, на вытягиваньи носковъ да на разныхъ ружейныхъ артикулахъ. Науку, ученыхъ, писателей и студентовъ во все время своего царствованія Николай преслѣдовалъ самыми страшными гоненіями.

Онъ хотѣлъ управлять однимъ страхомъ. И дѣйствительно, всѣ дрожали и трепетали передъ нимъ—

и дома, и заграницей. Ему всюду чудилось неповиновеніе, и онъ рвалъ и металъ направо и налѣво. Доносчики, шпіоны, соглядатаи подслушивали каждое свободное слово, ловили всякую свободную мысль. Какъ могильная плита навалился царь на свою страну и лежалъ на ней цѣлыхъ 30 лѣтъ.

Съ престола озорство разлилось по всей Россіи; крестьянство стонало отъ звѣрства помѣщиковъ, отъ непосильной тяготы и позорной барщины. Розга, плеть, палки и шпицрутены свистѣли по мужицкимъ и солдатскимъ спинамъ изъ конца въ конецъ Земли Русской.

Крестьяне, сидя на цѣпи въ помѣщичьихъ берлогахъ, стонали, молились за царя и думали: „Охъ, царь не знаетъ, какъ тутъ надъ нами мудруютъ! Ахъ, кабы онъ зналъ!.. Пошли ему Богъ дольше царствовать!..

Наконецъ и у долготерпѣливаго народа русскаго терпѣнье стало приходить къ концу. Пошли бунты—то тамъ, то сямъ; то тамъ, то здѣсь крѣпостные стали расправляться своимъ судомъ. За изнасилованіе дочерей, женъ и сестеръ, за промѣнъ людей на собакъ стали тайно и явно убивать помѣщиковъ. Все больше и больше крестьянъ уходило въ бѣга, на окраины, къ казакамъ. Видно было, что народъ дошелъ до отчаянія, потерялъ всѣ надежды, протиралъ глаза, просыпался... Но крестьяне были разрознены, бунтовались въ одномъ селѣ и не знали что дѣлалось въ другихъ мѣстахъ. А сверху-то царю и его лизоблюдамъ-опричникамъ все было видно. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше со всѣхъ сторонъ доносятъ про бунты. Все чаще и чаще вспыхиваютъ въ разныхъ мѣстахъ красные огоньки мятежа,—того и гляди, сольются они въ одинъ громадный пожаръ... Засуетились, забезпокоились, растревожились наверху...

Въ 1847 г. Николай Павловичъ призвалъ къ себѣ двухъ депутатовъ отъ смоленскихъ дворянъ да съ глазу на глазъ и говоритъ имъ: „Теперь я буду говорить съ вами не какъ государь, а какъ первый дворянинъ имперіи. Земли принадлежатъ намъ, дворянамъ, по праву, потому что мы пріобрѣли ихъ нашей кровью, пролитою за государство; но *я не понимаю*,—продолжалъ царь,— какимъ образомъ *человѣкъ сдѣлался вещью*, и не могу себѣ объяснить это иначе, какъ *хитростью* и *обманомъ*—съ одной стороны, и *невѣжествомъ*—съ другой. Этому должно положить конецъ. Лучше намъ отдать добровольно, нежели допустить, чтобы у насъ отняли. [То есть лучше освободить крестьянъ отъ барщины, чѣмъ ждать пока они сами освободятся]. Крѣпостное право причиною тому, что у насъ нѣтъ ни торговли, ни промышленности.“—Замѣмъ, Николай сказалъ, чтобы они объ этомъ здѣсь и министрамъ ни слова не говорили, а поѣхали бы къ себѣ въ Смоленскъ и тамъ подговорили дворянъ секретно обсудить, какъ это дѣло начать слѣдуетъ.

Вернулись дворяне, волей неволей шушукаться межъ собой стали; царь де намъ прямо сказалъ: крестьянъ освободить надо, а то всѣмъ плохо будетъ. Прослышалъ объ этомъ тамошній губернаторъ; сейчасъ доносъ министру Перовскому: такъ, молъ, и такъ; пріѣхали два депутата изъ Питера и всю губернію мутятъ, до крестьянъ даже слухъ дошелъ. Министръ самъ перепугался,—летитъ къ Николаю. Николай тоже смутился, что его въ освободительныхъ замыслахъ уличили, и говоритъ министру: „бунтовъ бояться нечего: у меня войскъ довольно. А губернатору напиши, чтобы этихъ дворянъ не трогалъ и въ это дѣло не мѣшался.“

Всѣ министры растерялись и понять ничего не могутъ,— что правда, что нѣтъ. Слухи о намѣреніяхъ

царя по всей Россіи пошли. Народный защитникъ и нашъ великій писатель, Бѣлинскій, тогда же въ частномъ письмѣ писалъ, что если дворяне не поспѣшатъ съ волей и будутъ дѣло тормозить, такъ имъ же дороже это обойдется: „Крестьяне сильно возмущены, спятъ и видятъ освобожденіе... Когда масса народная спитъ,—дѣлайте, что хотите—все будетъ по вашему, но когда она проснется... А тутъ какъ разъ изъ Парижа и Берлина вѣсти пришли, что рабочіе тамъ возстали и своимъ королямъ хвосты прижали. Французскій король тайкомъ насилу убѣжалъ, во Франціи провозгласили свободное народное правленіе, а прусскій король только тѣмъ и удержался на своемъ тронѣ, что передъ своимъ народомъ ласковой лисичкой прикинулся.

Вельможи и придворные царскіе перетрусили до послѣдней степени. Валуевъ, который послѣ, при Александрѣ II, былъ одинъ изъ самыхъ злѣйшихъ притѣснителей-министровъ, вотъ какъ описываетъ этотъ придворный страхъ:

„Третьяго дня Віельегорскій привезъ вѣсть о народномъ возстаніи въ Берлинѣ. Вверху всѣ въ страшномъ смущеніи. Другіе придумываютъ сумасбродныя распоряженія. Бутурлинъ, напр., совѣтуетъ закрыть всѣ университеты и гимназіи. Въ городѣ разносятъ уже безчисленныя нелѣпости о дальнихъ областяхъ имперіи. Вчера утверждали, что въ Тифлисѣ и Варшавѣ вспыхнуло возстаніе, и что въ Ригѣ въ какомъ то клубѣ состроили баррикаду. Сановники въ озлобленіи думаютъ лишь о способахъ *давить* все, что смѣетъ думать о нихъ неодобрительно и не льстить имъ.“

А что же Николай?

Ваше величество—говорятъ ему,—крестьяне поговариваютъ, а писатели пописываютъ, всюду слухи но-

сятся, что вы крестьянъ освободить вздумали. У Николая все сердце закипѣло. Вскорѣ послѣ этого, весной 1848 г., явился онъ въ собраніе дворянъ Петербургской губерніи и обратился къ нимъ съ слѣдующей рѣчью: „Господа дворяне! не вѣрьте *нелѣпымъ слухамъ*, которые съ восторгомъ принимаются крестьянами. Я не боюсь внѣшнихъ враговъ, но у меня есть *внутренніе*, болѣе опасные враги. Противъ нихъ-то мы и должны вооружиться и стараться охранить себя, и въ этомъ я полагаюсь на васъ. Благодарю дворянъ Петербургской губерніи за адресъ, который они мнѣ хотѣли поднести: въ чувствахъ привязанности ихъ ко мнѣ и отечеству я не сомнѣваюсь и за удовольствіе поставляю принадлежать къ ихъ сословію, потому что я и жена моя (царица)—тоже помѣщики петербургскіе.“

Николай, однако, университетовъ не закрылъ совсѣмъ, а только приказалъ: больше 300 студентовъ ни въ одинъ университетъ нн принимать; ученыхъ заграницу не пускать; въ университеты книгъ иностранныхъ больше не выписывать. Многія науки были послѣ этого въ Россіи подъ царскимъ запретомъ, а въ Харьковскомъ университетѣ читать философію назначили *частнаго пристава*. Въ гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ даже дворянскихъ дѣтей засѣкали розгами до смерти. Ученые люди, солдаты и крестьяне—задыхались совсѣмъ.

А тутъ еще подоспѣла Крымская война. Царь Николай съ сосѣдями держался гордо и неуступчиво. Наконецъ, перессорился съ французами и англичанами, и они пошли войной на русскихъ, чтобы обуздать царя. Пожаловали къ намъ сообща незванные гости въ Крымъ, подступили подъ Севастополь. Круто пришлось Николаю. Правда, стойко стояли русскіе солдатики, геройски умирали тысячами отъ непріятельскихъ пуль, а еще

того больше отъ голода да отъ болѣзней. Тутъ-то и сказалось, сколько гнили развелось при Николаѣ въ Русской землѣ.

Вотъ что писалъ въ 1855 г, съ юга Россіи другой народный радѣтель, профессоръ Грановскій: „Еще годъ войны и вся южная Россія разорена. Надобно самому съѣздить да посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Когда правительство требуетъ рубль, мѣстное начальство распорядится такъ, что заставитъ народъ заплатить втрое, и дѣлается все это безсмысленно и подло.“

И дѣйствительно, творились невѣроятныя вещи.

Все высшее и низшее начальство снюхалось съ поставщиками: сами наживали милліоны, а солдатъ морили гнилыми сухарями и водили въ сапогахъ на картонныхъ подошвахъ; даже порохъ и корпію продавали непріятелю, а вмѣсто проданнаго пороха подсыпали песку. Войска ходили голодныя да ободранныя. Желѣзныхъ дорогъ не было, подкрѣпленія приходили не во время. Большинство генераловъ оказалось никуда негодными, потому что высшія мѣста раздавались не по заслугамъ, а по знатности да по угодливости. У французовъ и англичанъ ружья были пистонныя, а у насъ кремневыя—еще отъ царя Гороха остались. У непріятеля были дальнобойныя, а у нашихъ какія то мѣшалки и били, что называется, на сто шаговъ съ подбѣгомъ. Объ шагистикѣ и ружейныхъ артикулахъ царь заботился, а объ здоровьи и продовольствіи солдатъ мало думалъ.

Армія рѣдѣла и съ каждымъ днемъ таяла, какъ восковая свѣчка. Царь обратился къ помѣщикамъ, чтобы набирали изъ своихъ крестьянъ ополченія и гнали на войну. Казна истощилась, народъ былъ разоренъ, съ помѣщиковъ—взятки гладки. Народъ шелъ на войну

неохотно; солдаты терпѣть не могли своихъ изверговъ-начальниковъ. А тѣ, кого силой гнали, помирали иной разъ съ голоду и болѣзней, еще не успѣвши взглянуть на непріятеля. Недовольство среди крестьянъ разливалось по всей землѣ. Ополченцы, возвращаясь домой, разсказывали, что видѣли и слышали. Война всколыхнула и народъ, и все образованное общество. Лучшіе, честнѣйшіе, ученѣйшіе люди негодовали, видя, до чего царь довелъ Русскую Землю. Народъ ропталъ и жаждалъ воли. Бунты противъ помѣщиковъ стали чаще противъ прежняго.

Видитъ царь, что его пѣсенка спѣта. Войскъ у него нѣтъ, казна пуста, воевать дольше не на что. Съ народа взять больше нечего—безъ того ужъ ободранъ весь, а помѣщики сами только мужиками и живы: что съ мужика сдерутъ, то тотчасъ же и промотаютъ. Видитъ царь, что теперь уже не война идетъ, а простая бойня. А тутъ со всѣхъ сторонъ ему доносятъ, что народъ недоволенъ, солдаты ропщутъ.

И вотъ ему, всесвѣтной грозѣ и самовластному царю, котораго всѣ боялись и въ своей, и въ чужихъ странахъ, приходится просить пардону у непріятелей, согласиться на всѣ ихъ требованія и заключить позорный для себя миръ... А онъ не могъ не сознавать, что онъ самъ во всемъ виноватъ, самъ привелъ царство на край погибели, развелъ въ немъ неправду, беззаконія, притѣсненія слабыхъ сильными. Выходитъ теперь, что нужно все сызнова передѣлывать, исправлять и выводить все, что напортилъ за цѣлое царствованіе... Понялъ онъ ясно свое положеніе, все свое безсиліе; понялъ, что онъ теперь живой мертвецъ на тронѣ,— и вотъ онъ принялъ ядъ и умеръ, предоставивъ молодому сыну спасать свое разстроенное наслѣдство, вы-

вертываться, какъ знаетъ, изъ бѣды, и ослабить крѣпостное ярмо, которое наложили на народъ прежніе цари, и отъ котораго цѣлые вѣка стономъ стонала вся Русская Земля.

V

Приготовленія къ волѣ.

19 ферваля 1855 года вступилъ на престолъ молодой царь Александръ II. Круто ему пришлось: воевать дольше нельзя, народу, пушечнаго мяса,—много, а казна—пуста. Помѣщики по прежнему въ усъ себѣ не дуютъ и ведутъ свою прежнюю линію. Сидятъ себѣ спокойно въ помѣстьяхъ своихъ и думаютъ: одинъ царь умеръ, другой наступилъ, значитъ—и намъ снова будетъ хорошо; вѣдь, мы—единственная надежная опора трона. А того не видятъ, что творится по всей Руси—до этого имъ и горюшка мало. Но молодому царю и болѣе умнымъ изъ его ближайшихъ совѣтниковъ видно было, что такъ или иначе, а приходится перетрясти всю старую государственную рухлядь. Надо было приступать къ дѣлу немедленно. Но съ чего начать?

Самые сообразительные и умные изъ его совѣтниковъ стояли за то, чтобы царь на первыхъ порахъ обласкалъ народъ, внушилъ ему вѣру въ себя, подалъ какъ можно скорѣе надежду на волю—чтобы народъ сидѣлъ смирно, терпѣливо ждалъ и не бунтовался. Для этого подъ рукой можно слухи распустить, ничего прямо никому не объявляя. Вторымъ дѣломъ—уговорить хоть самыхъ толковыхъ и покладистыхъ помѣщиковъ, чтобы они зря не упрямились, не упирались,—и открыть имъ глаза на все: если они хотятъ, чтобы у нихъ осталось ребятишкамъ на молочишко, пусть не ждутъ, пока народъ изъ терпѣнія выйдетъ, а спѣшатъ сами царя поддер-

жать и будто бы по своей волѣ отпустить крестьянъ на волю. Народъ русскій простъ, соображали ловкіе люди: онъ сейчасъ повѣритъ всему. Только бы онъ опять въ царя увѣровалъ, а тамъ ужъ мы все уладимъ, наше дѣло опять будетъ въ шляпѣ.

Сказано—сдѣлано. Прежде всего, конечно, поторопились заключить миръ. Побѣдители смягчились къ новому, молодому царю, и условія мира оказались легче, чѣмъ можно было ожидать.

Заключивши миръ, царь поскакалъ въ Москву, собралъ дворянъ и сказалъ имъ, что и для народа надобно что нибудь сдѣлать,—дать ему хоть какую ни на есть свободу. Туго поддавались московскіе дворяне. Большинство изъ нихъ были народъ упрямый, заматорѣлый въ своевольствѣ, да и ума невеликаго: дальше своего носа рѣдкій что нибудь видѣлъ. Царь имъ тутъ все начисто и объяснилъ, что ждать дольше нельзя, что они слѣпы, а ему сверху виднѣе все положеніе.

„Любезные мои дворяне,—говорилъ царь,—поспѣшимъ дать волю **сверху**, какъ бы добровольно, въ видѣ нашей милости и снисхожденія къ народу, а не то народъ возьметъ **ее снизу**, то есть самъ выйдетъ изъ повиновенія, возстанетъ поголовно и вырветъ свою побѣду изъ нашихъ рукъ силой. Подумайте сами, что онъ намъ тогда оставитъ. Я вамъ зла не могу хотѣть. я объ вашей же пользѣ забочусь. Вѣдь, вы—дворяне, и я—первый дворянинъ среди васъ. Вы—помѣщики. и я—первый помѣщикъ среди васъ. Ваши крестьяне и земли—помѣщичьи, а мои—удѣльные. Поймите, что нашъ интересъ общій. Могу ли я васъ въ обиду дать? Помогите же мнѣ: собирайте по всей землѣ дворянскія собранія и подавайте мнѣ поскорѣе прошенія, что вы сами желаете своихъ крестьянъ освободить. А мы тѣмъ

временемъ сообща придумаемъ, какъ лучше выкрутиться изъ общей бѣды".

Поморщились помѣщики, однако должны были согласиться, что и вправду больше податься некуда. Иначе хуже будетъ—съ народомъ шутки плохія, коли самъ начнетъ дѣйствовать. Рѣдкій изъ помѣщиковъ не чувствовалъ за собой—либо за семьей своей—старыхъ грѣховъ. Не знаютъ, что дѣлать. Пошла у нихъ разноголосица: одни—подаются, другіе—упираются, слышать ничего не хотятъ. А царь и главныя приближенныя лица напираютъ, понукаютъ, гдѣ милостивымъ словомъ, а гдѣ и строгостью.

Вотъ и стали собирать повсюду помѣщики свои дворянскія собранія и стали, наконецъ, съ разныхъ сторонъ писать царю прошенія или адреса. Нашлись среди нихъ и честные, мягкіе сердцемъ люди, какъ нѣкоторые изъ Тверскихъ дворянъ, у которыхъ совѣсть зазрила, что они владѣютъ такими же людьми, созданными по образу и подобію божьему, словно рабочей скотиной. На помѣщиковъ, которые искренно хотѣли отпустить на волю крестьянъ, другіе дворяне глядѣли, какъ на выродковъ, терпѣть ихъ не могли, называли *красными*, или *соціалистами*. Большинство помѣщиковъ и подумать не могло безъ страха о своей судьбѣ. Думали: „народъ—звѣрь; дай ему свободу—въ клочки разорветъ". Злобой у дворянъ сердца кипятъ, а сами жалостливо такъ пишутъ: „Всемилостивѣйшій Государь, всеподданнѣйше Васъ просимъ, соблаговолите объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ подумать..."

И пошли всѣ ломать комедію... Царь въ отвѣтъ на просьбы помѣщиковъ сталъ собирать разныя коммиссіи изъ тѣхъ дворянъ—для обсужденія, какіе законы о крестьянахъ отмѣнить и какіе новые установить; какъ

лучше крестьянъ обойти, какъ сдѣлать такъ, чтобы и крестьянъ обнадежить, и дворянъ съ царемъ не обидѣть; какъ будто и волю дать и въ то же время народъ изъ своихъ рукъ не выпустить; поднести ему тотъ же пирогъ да съ другой начинкой.

Въ это время особенно ратовалъ за крестьянъ писатель Николай Гавриловичъ Чернышевскій, писавшій въ журналѣ „Современникъ“. Въ 1864 году онъ былъ сосланъ за свою защиту народа—за проповѣдь соціализма на каторгу, откуда вернулся лишь въ 1883 г. Умеръ онъ въ 1889 г. Имя этого мученика за народное дѣло, *духовнаго отца русскихъ соціалистовъ*, должно быть свято для русскаго народа. Вотъ этотъ-то Чернышевскій, Добролюбовъ, и многіе другіе соціалисты изъ ученыхъ людей, писателей, студентовъ видѣли, что крестьянамъ готовится ловушка. Они стали во всеуслышаніе требовать и въ газетахъ писать, что крестьянамъ должно непремѣнно отдать всю землю, какую они обрабатывали при крѣпостномъ правѣ. Земля должна быть общимъ народнымъ достояніемъ, пользоваться ею должны тѣ, кто работаетъ на ней своими, а не чужими руками. Тогда этихъ ученыхъ людей стали тѣснить: запрещали имъ писать, сжигали ихъ книжки и статьи.

Отцовскіе законы о печати Александръ II и не думалъ отмѣнять, а этими законами запрещалось вообще „всякое разсужденіе въ печати о потребностяхъ и средствахъ къ удовлетворенію какой либо отрасли государственнаго хозяйства въ имперіи“. При такихъ законахъ сами цензора (т. е. чиновники, наблюдающіе, чтобы въ книжкахъ не печатали ничего неудобнаго правительству) не знали, что можно разрѣшать, и чего нельзя. Самихъ цензоровъ выгоняли со службы, если они пропускали въ печать, что царю и министрамъ не нравилось; од-

ного цензора выгнали за то, что онъ позволилъ напечатать въ газетѣ царскій рескриптъ. Не даромъ одинъ изъ этихъ цензоровъ, Никитенко, писалъ въ своемъ дневникѣ,—что нѣкоторые цензора сдѣлали изъ цензуры „съѣзжую и обращались съ мыслью, какъ съ ворами и убійцами". „Министръ Юстиціи графъ Панинъ и др.,--пишетъ тотъ же цензоръ Никитенко,--внушали царю,—что всѣ революціи происходятъ отъ литературы".

А какъ самъ царь-освободитель относился къ свободному слову?

А вотъ судите сами. Въ 1858 г. министръ народн. просв. Ковалевскій написалъ докладъ царю и просилъ его отмѣнить нѣкоторыя стѣсненія по своему вѣдомству, которыя не согласны съ *прогрессомъ* гражданственности. Царь-освободитель, увидя слово „прогрессъ", напоминающее „свободу"—возмутился и тутъ же собственноручно положилъ резолюцію: „Что за прогрессъ!!! прошу слова этого не употреблять въ оффиціальныхъ бумагахъ". Резолюцію эту немедленно передали министру внутр. дѣлъ, графу Блудову, а этотъ послѣдній тотчасъ же по всей Россіи запретилъ всѣмъ чиновникамъ употреблять это слово.

При такихъ условіяхъ соціалисты начали печатать тайныя газеты и книги, открывать глаза студентамъ, образованному обществу и всему народу. Они видѣли, что помѣщики всячески хотятъ затянуть, замедлить освобожденіе, исказить его, и при освобожденіи совсѣмъ крестьянъ ограбить.

Денежные люди, купцы, тоже стояли за освобожденіе крестьянъ. При крѣпостномъ правѣ и имъ было плохо. Всякъ знаетъ, что, несмотря на ихъ толстую мошну дворяне да важные господа имъ тоже бороды рвали да плетью ихъ хлестали. Хоть имъ до крестьянъ

и мало дѣла было, а все таки и они сначала стояли за народъ, — не прочь были досадить помѣщикамъ. Промышленнымъ людямъ — заводчикамъ, фабрикантамъ—тоже хотѣлось, чтобы крестьяне были вольные, могли безъ спроса у помѣщика наниматься къ нимъ въ рабочіе. Они знали, что въ безсудной, крѣпостной землѣ ни правильной торговли, ни промышленности нельзя было вести; стали требовать освобожденія крестьянъ, правильнаго суда, земскаго да городского самоуправленія. А много ли крестьянамъ дадутъ земли — это ихъ не касалось: коли мало, такъ пожалуй еще лучше, — больше неимущаго, бѣднаго народа пойдетъ къ нимъ кланяться, проситься на фабрики и заводы, дешевле будутъ рабочія руки.

А самъ простой народъ ничего не видѣлъ и не подозрѣвалъ, о чемъ тамъ царь, господа и чиновники шушукаются; не зналъ также, о чемъ пишутъ въ тайныхъ листкахъ соціалисты... Не хотѣлъ народъ вѣрить, чтобы царь могъ народу подвохи заодно съ помѣщиками строить. Всѣ вѣрили царскому слову: „царь волю обѣщалъ, царь волю готовитъ!“ Кабы не вѣра въ царя, можетъ, ужъ давно бы разнесли своихъ вѣковыхъ недруговъ; можетъ, и съ своими друзьями, соціалистами, спознались, ихъ послушались; а теперь всѣ — „подождемъ“, твердятъ, „потерпимъ еще, скоро намъ вся наша полная воля объявится!“

Между тѣмъ, готовясь къ такому великому всенародному дѣлу и стремясь какъ можно лучше обойти крестьянъ, царь-освободитель съ своими министрами и совѣтниками, какъ воры, крались во тьмѣ. Никому открыто не говорили о волѣ, только въ своихъ канцеляріяхъ шушукались. Самъ товарищъ министра внутр. дѣлъ Левшинъ пишетъ объ этомъ вотъ что:

„Тайна была нужна и страшна при самомъ приступѣ къ освобожденію крестьянъ, потому что боялись преждевременнаго открытія этого милліонамъ крѣпостныхъ людей; къ тому же въ понятіяхъ большей части пожилыхъ людей, не исключая многихъ членовъ высшаго правительства, освобожденіе крестьянъ должно было неминуемо вызвать кровополитіе и требованіе *политической свободы*“.—Всѣ бумаги по крестьянскому вопросу хранились у этого министра Левшина и онъ держалъ ихъ въ заперти за собственнымъ ключемъ, а для переписки приглашалъ одного писца, Федорова, который, по словамъ министра, былъ замѣчателенъ „по молчаливости и меланхоліи своей“.

Вотъ почему, какъ ни бились Чернышевскій, Добролюбовъ и другіе ихъ товарищи-соціалисты изъ студентовъ и ученыхъ людей, что за народъ грудью стояли и своей жизни не жалѣли; какъ ни хотѣлось имъ поворотить освобожденіе на настоящую дорогу, разстроить всю хитрую дворянско-чиновничью механику, а ничего не могли подѣлать — крестьяне о нихъ не знали, опереться было имъ не на кого, а одинъ въ полѣ не воинъ. Тогда было не то, что теперь. Теперь грамота шибко въ ходъ пошла, а тогда народъ жилъ пришибленный, придавленный крѣпостнымъ правомъ, жилъ въ полной темнотѣ и невѣжествѣ и, бывало, слѣпо вѣрилъ всему, что ему ни скажутъ начальство да попы. Теперь много рабочаго люда во всѣхъ городахъ, на фабрикахъ и заводахъ, да и деревня съ городомъ постоянно сообщается; а тогда деревня отъ города была словно отрѣзана: фабричныхъ было мало, крестьяне жили словно грибы, приросшіе къ одному мѣсту, не зная, что дѣлается за ихъ околицей. Теперь сколько ни объявляй „усиленныхъ охранъ“, рабочій

ужъ рядомъ со студентомъ на улицѣ,—стоятъ за одно. А тогда было не то. Да и не мудрено,—всякому извѣстно, какой грамотей былъ крѣпостной мужикъ.

VI.

Дворянскіе совѣты.

Между тѣмъ чиновничья механика подвигалась своимъ чередомъ. Царь собралъ уполномоченныхъ отъ помѣщиковъ, предводителей дворянства, и вмѣстѣ съ министрами, сенаторами, генералами и другими хищными волками открылъ совѣщанія: волчій совѣтъ удумывалъ, какъ освободить овецъ... Такимъ-то манеромъ готовились они всучить народу вмѣсто той воли, которую онъ самъ себѣ желалъ и ожидалъ, другую—царскую, дворянскую, чиновничью волю. Понятно, что изъ такой воли не могло выйти ничего, кромѣ той же неволи, только на другой ладъ.

Поставили первый вопросъ: какъ освободить крестьянъ—съ землей или безъ земли? и за кѣмъ признать землю—за крестьянами или за помѣщиками?

Соціалисты въ своихъ газетахъ, журналахъ и книжкахъ писали, что народъ—хозяинъ земли: всѣ, кто пашетъ и обрабатываетъ ее своими руками, тѣ и должны распоряжаться и пользоваться ею сообща, по справедливости, по равненію. Соціалисты радовались, что въ Россіи такъ распространено мірское владѣніе землей. Но этого, по ихъ взглядамъ, было недостаточно. Вѣсь народъ, говорили они, долженъ составить одинъ большой міръ и распоряжаться всей землей такъ, чтобъ пользовался ей тотъ, кто ее обрабатываетъ своимъ трудомъ. Всѣ помѣщики лишь царской милостью да насиліемъ присосались къ крестьянамъ — говорили соціалисты; земля изстари вѣковъ принадлежала народу, а потому—

ее нужно объявить всенародной собственностью, и никому отдѣльному человѣку — ни помѣщику, ни купцу, ни даже крестьянину — въ вѣчную собственность ее ни подъ какимъ видомъ не отдавать и не продавать. Такъ вѣдь часто и сами крестьяне дѣло понимаютъ. Они никого ограбить не хотятъ: если дворянинъ или купецъ самъ пахать захочетъ — изволь, сдѣлай милость, бери, паши со всѣми наравнѣ земли на всѣхъ хватитъ. А только — торговать да барышничать землей, да чужими руками на ней жаръ загребать — не смѣй! Бросишь работу, уйдешь въ городъ на службу или по торговому дѣлу, — земля ужъ больше не твоя, она отъ тебя отходитъ и опять поступаетъ въ общее распоряженіе. Но передать въ общее владѣніе землю — этого еще мало, говорили соціалисты. Какъ съ землей, такъ надо поступить и съ фабриками: кто работаетъ, тотъ и пользуйся доходами, по равненію, сообща. Во всей странѣ должно быть установлено общее народное хозяйство, общій трудъ на общую пользу. При такомъ порядкѣ всякому дармоѣдству будетъ положенъ скорый и вѣрный конецъ.

Понятно, что не по нутру пришлись эти рѣчи всѣмъ сенаторамъ, дворянамъ, генераламъ и министрамъ. Стали они еще пуще преслѣдовать соціалистовъ, а сами удумываютъ, какъ бы все наоборотъ имъ сдѣлать. Вотъ и порѣшили, чтобы землю оставить вѣчной частной собственностью. Крестьяне, бывало, говаривали помѣщикамъ: „земля наша, а мы ваши“. Теперь помѣщикамъ хотѣлось наоборотъ повернуть: коли ужъ нельзя оставить крестьянъ за помѣщиками, такъ, — чортъ съ ними, пусть уходятъ на волю, только бы признали землю помѣщичьей.

Большая часть царскихъ совѣтниковъ и приближенныхъ сперва сначалу хотѣли было крестьянъ отпустить

въ одной рубашкѣ: съ нихъ, молъ, и того довольно, что на волю даромъ выпускаютъ. Прежде, молъ, мы тоже кой-кого на волю отпускали, да еще деньги за это брали. Вольноотпущенный за милость почиталъ, что хоть въ одной рубахѣ уходилъ. „Нѣтъ,—говорили царскіе сановники и большинство дворянъ,—землю мы должны непремѣнно оставить за собой. Отдать землю крестьянамъ, чѣмъ же мы то будемъ жить? Не работать же намъ, какъ мужикамъ?

Но самые разсудительные изъ царскихъ приближенныхъ отвѣчали: „Много справедливаго въ вашихъ словахъ, только вы опять забываете, что народъ ужъ толкуетъ вездѣ о волѣ и ждетъ только, чѣмъ у насъ дѣло кончится. Ну, какъ же мы можемъ ему теперь сказать: ты свободенъ — ступай нагишомъ! нѣтъ тебѣ земли, земля вся помѣщичья! Да вѣдь народъ и слушать не станетъ. Крестьяне скорѣй позволятъ всѣхъ до одного себя перерѣзать, чѣмъ отдадутъ землю. Нѣтъ, съ такимъ манифестомъ нечего и думать выступать передъ народомъ. За это народъ разнесетъ и васъ и насъ. Да и то сказать: какъ же тогда съ крестьянъ подати въ казну собирать, если имъ нисколько земли не оставить?“

А самый умный совѣтникъ царя по освобожденію крестьянъ, — предсѣдатель Редакціонной Комиссіи, — Ростовцевъ, про котораго крѣпостники распускали всякія клеветы и наушничали царю, передъ смертью сказалъ въ этой Комиссіи слѣдующее: „На меня клевещутъ въ высшемъ аристократическомъ (т. е. придворномъ) обществѣ, будто я написалъ дворянству: если де хотите сберечь ваши головы, то отдайте крестьянамъ земли. Могъ ли я это сказать, и куда мнѣ было писать? Но какъ отнять отъ насущнаго хлѣба 11 милліоновъ, а если считать людей обоего пола, то 22 милліона душъ?..

Я *увѣренъ*, что если у нихъ совсѣмъ отрѣзать земли, то будетъ *пугачевщина* (я говорю это между собою, въ дружескомъ обществѣ) и не могу не предвидѣть въ такомъ случаѣ страшныхъ обстоятельствъ, страшныхъ потрясеній, которыя ожидаютъ бѣдную Россію".

И опять пришлось согласиться съ умнымъ царскимъ совѣтникомъ... Однако, и своего имъ упускать не хочется. „Правда", говорятъ дворяне и сенаторы, „совсѣмъ безъ земли отпустить опасно, да можетъ быть и не совсѣмъ выгодно. Пойдетъ народъ бродить, новыхъ мѣстъ искать, а мы безъ рабочихъ останемся. Что тогда съ землей дѣлать? Не ѣсть же ее сырьемъ. А вотъ какъ надо сдѣлать. Всю землю признать личной собственностью помѣщиковъ, а крестьянамъ за то дать право выкупить часть земли, и заранѣе назначить обязательныя цѣны,—на случай, если не состоится добровольнаго соглашенія. А чтобы крестьяне не упрямились и чтобы намъ самимъ сразу на мель не сѣсть,—освобождать ихъ не сразу; а пусть послѣ манифеста они побудутъ еще нѣсколько годковъ на положеніи не то вольныхъ, не то крѣпостныхъ, середка на половинку: назовемъ хотъ-бы такъ — *временно-обязанными*. Сразу возжи распускать не годится. Да потомъ нужно установить надъ ними побольше всякаго начальства, чтобы ихъ можно было всегда въ уздѣ держать. Земли много тоже давать не слѣдуетъ. Въ разныхъ мѣстностяхъ можно разно и надѣлить, да такъ, чтобы у мужиковъ земли всегда нехватка была, чтобы они всегда въ нашей землѣ нуждались. А чтобы народъ зря не бродилъ, надо ввести паспорты. Да и выкупъ нужно наложить такой, чтобы намъ, помѣщикамъ, обидно не было. Конечно, мужики сразу уплатить намъ выкупъ не смогутъ, такъ пусть за нихъ намъ казна выдастъ деньги

за купчую землю; а она потомъ пусть ужъ сама взыскиваетъ эти деньги по частямъ въ податяхъ съ тѣхъ же мужиковъ. А чтобы и казнѣ нажива была, пусть она взыскиваетъ чтобы и казнѣ нажива бя намъ за ихъ деньги съ лишечкомъ, пусть наложитъ на ихъ процентъ. Такъ-то вотъ, пожалуй, все ладно будетъ".

Подумали-подумали, и даже самые упрямые согласились, что это ловко придумано. Рѣшаютъ—быть по сему!

Но самые ехидные помѣщики и этимъ были не совсѣмъ довольны. Они начали безъ всякаго стыда выкладывать все, что было у нихъ на душѣ. „Намъ" говорили они, „своей земли и хозяйства все равно не удержать. Ничего мы не смыслимъ въ хозяйствѣ. Сотни лѣтъ владѣли мы землей и крестьянами, а хозяйство вести не научились—всѣмъ у насъ бурмистры да староста изъ тѣхъ же крестьянъ ворочали. До сихъ поръ можно было жить, потому что въ рукахъ палка была, а теперь вольный мужикъ никого слушать не станетъ. Тутъ нечего скрывать: всѣмъ намъ разоренье грозитъ. Всѣ наши земли понемногу либо къ крестьянскимъ обществамъ, либо къ купчишкамъ да богатымъ кулакамъ перейдутъ. Кому изъ насъ теперь охота будетъ въ помѣстьяхъ жить? все купи, да все найми: ни слугъ, ни дворовыхъ, ни лакеевъ... А вѣдь мы—не купчишки, торговаться не умѣемъ; мы привыкли жить широко; скряжничать да копейки разсчитывать—не наше дѣло. Что спросятъ, то и заплатишь, пока деньги есть. А какъ выкупныя деньги проживемъ, что тогда будемъ дѣлать? Къ купцамъ, въ приказчики, что-ли, идти прикажете?

Крѣпко призадумались всѣ. Рѣдкій про себя объ этомъ втайнѣ того-же не помышлялъ. Думали-думали и наконецъ большинство стало утѣшать себя тѣмъ, что все

спасеніе дворянства отъ разоренія и неминуемой гибели лежитъ въ царскомъ самодержавіи. Свой своему поневолѣ другъ. А царь не даромъ про себя сказалъ, что онъ первый дворянинъ и самый крупный на Руси помѣщикъ. Значитъ, пока власть будетъ въ его рукахъ —онъ не дастъ дворянъ да помѣщиковъ въ обиду. Лишь бы царь попрежнему правилъ всей землей самодержавно, единовластно. Одному ему, конечно, съ такой махиной управиться нельзя; вотъ онъ и будетъ попрежнему ставить около себя помощниковъ, тѣ расплодятъ около себя другихъ подручныхъ, другіе — третьихъ, третьи — четвертыхъ, и такъ протянется отъ царя до послѣдняго урядника, отъ середины къ краямъ—цѣлая паутина казенныхъ фуражекъ да околышей. Послѣ отмѣны крѣпостного права потребуется многое множество должностныхъ лицъ, тысячи тысячъ чиновниковъ. Тутъ-то прогорѣвшимъ дворянамъ и очистится множество тепленькихъ мѣстечекъ. Только бы чиновники, какъ и прежде, ни передъ кѣмъ не отвѣчали, кромѣ царя и своего высшаго начальства; *пусть они отъ народа не зависятъ*, тогда оно и выйдетъ, что мужики по прежнему будутъ въ рукахъ у господъ, хотя и будетъ сдѣлана видимость, что крѣпостному народу воля дана.

Какъ царскую волю объявили и вводили.

Наконецъ тайные совѣтники царя все умненько про себя обдумали, составили манифестъ и принесли царю подписать. Манифестъ былъ написанъ короче, проще и легче, чѣмъ тотъ, который потомъ объявили. Перечли его царскіе министры и вдругъ на нихъ оторопь нашла. А ну, какъ народъ сразу все пойметъ и весь всколыхнется, заволнуется? Что тогда со всѣмъ народомъ подѣлаешь? Надо манифестъ умненько напи-

сать. Было извѣстно, что московскій митрополитъ Филаретъ за крѣпостниковъ стоялъ и всячески противъ, освобожденія крестьянъ ратовалъ. Прежде чѣмъ подписать манифестъ, велѣли его Филарету отослать, чтобы тотъ его прочиталъ, пересмотрѣлъ и, если нужно, своимъ святительскимъ перомъ исправилъ. Но Филаретъ отказался и вернулъ манифестъ: безъ меня, говоритъ, вы задумали крестьянъ освобождать, безъ меня манифестъ составили, безъ меня и кончайте, безъ меня и передъ Богомъ отвѣчайте. Опять послали къ нему манифестъ, христомъ-богомъ просятъ его святительскаго благословенія и совѣта. Наконецъ, Филаретъ, скрѣпя сердце, принялся исправлять манифестъ. Перевернуть всего дѣла ему, конечно, ужъ нельзя было, вотъ онъ и рѣшилъ такъ передѣлать манифестъ, такого напустить туману, чтобы и хорошо грамотный человѣкъ ничего сразу не понялъ. Всѣ простыя, радостныя и понятныя для крестьянъ словечки онъ изъ прежняго манифеста выкинулъ, замѣнивъ ихъ поповской тарабарщиной, и такъ длинно размазалъ манифестъ, что прежде чѣмъ прочтешь его до конца, десять разъ заснуть можно.

Подъ страшнымъ секретомъ было рѣшено въ совѣтѣ, что 19 февр. 1861 г., въ 6 г. своего царствованія, царь подпишетъ наконецъ исправленный Филаретомъ манифестъ.

Никто, кромѣ самыхъ приближенныхъ къ царю лицъ, ничего не зналъ, ничего не вѣдалъ.

Наконецъ насталъ этотъ памятный день; привезли царю манифестъ. Въ страшной тревогѣ ушелъ царь одинъ въ свой кабинетъ и тамъ подписалъ... Съ этого момента 20 слишкомъ милліоновъ человѣческихъ душъ формально превратились изъ рабовъ въ „вольныхъ“ людей.

А между тѣмъ самъ народъ ничего это не зналъ. 19 февраля манифестъ былъ подписанъ, а между тѣмъ царь и ми-

нистры не рѣшились тотчасъ же объявить его, какъ бы слѣдовало, а секретно сговорились отложить его объявленіе до 5 марта, до прощеннаго воскресенья, въ послѣдній день масляницы. Однако, хотя народъ ничего не зналъ, что тамъ наверху дѣлается, но онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ 19 февр. и былъ твердо увѣренъ, что дальше ужъ не посмѣютъ откладывать и въ этотъ день непремѣнно объявятъ манифестъ. Онъ смѣло началъ говорить объ этомъ. Царь и правительство видятъ, что дальше въ жмурки играть нельзя. Но страхъ передъ народомъ былъ такъ великъ, что царь и правительство и тутъ стали хитрить. Чтобы успокоить волненіе, они объявили стороной, что манифестъ появится на второй недѣли великаго поста, тогда какъ сами ужъ рѣшили объявить его на прощеное воскресенье. Настало 5 марта и манифестъ былъ объявленъ.

Значитъ, ничего не вѣдая, съ 19 февр. до 5 марта освобожденный уже народъ просидѣлъ сверхъ положенія лишнихъ двѣ недѣли въ крѣпостной кутузкѣ.

Вотъ какъ была дана народу царская воля.

* * *

Теперь понятно, что вскорѣ же послѣ объявленія воли народъ оторопѣлъ и растерялся—не разберетъ ничего. Одни кричатъ, что воля не настоящая, фальшивая: настоящую де волю баре да начальство спрятали, утаили, обманываютъ и царя, и народъ. Другіе и этому рады, молчатъ, покоряются. Третьи сами не знаютъ, что дѣлать, кого слушать...

Первый десятокъ лѣтъ послѣ царской милости народъ во многихъ мѣстахъ упорно отказывался признавать манифестъ и идти на выкупъ.

Чуть не съ первыхъ же дней воли пришлось растолковывать крестьянамъ царскій манифестъ пулями, розгами и шпицрутенами. Всѣмъ памятно страшное вразум-

леніе манифеста гр. Апраксинымъ въ с. Безднѣ, Казанской губ., гдѣ крестьяне трехъ уѣздовъ сочли манифестъ подложнымъ: 55 чел. было убито, 71 ранено. Съ какимъ упорствомъ и стойкостью вѣрилъ народъ въ царя, что онъ за крестьянъ стоитъ и что объявленный манифестъ подложный, можетъ показать случай усмиренія крестьянъ въ с. Кандеевкѣ, ген. Дренякинымъ, который вотъ какъ самъ описываетъ свое злодѣйство надъ безоружными крестьянами, отказывавшимися послѣ объявленія воли ходить на барщину.

„Толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ—Раздались выстрѣлы. Въ толпѣ упало нѣсколько крестьянъ; но бунтовщики не дрогнули, Напротивъ того, поднявъ руки, они кричали громче и громче. Принявъ поднятіе рукъ за просьбу о пощадѣ, я остановилъ стрѣльбу; но оказалось, что они выражали этимъ свое желаніе „умереть за Бога и Царя“. „Всѣ до одного умремъ, а не покоримся“. Сдѣланъ былъ **второй** залпъ. Не смотря на это, народъ, поднявъ руки, еще съ большимъ жаромъ продолжалъ прежніе крики. Не безъ содроганія убѣдившись, что ничто не помогаетъ, я показалъ подвинувшейся ко мнѣ толпѣ походный мой образъ (благословеніе матери) и клялся передъ народомъ, что говорю правду и правильно толкую высочайше дарованныя крестьянамъ права. Но клятвѣ моей не повѣрили. **Третій** залпъ тоже не привелъ ни къ чему“.—Тогда—и только тогда — этотъ генералъ-негодяй просто рѣшилъ арестовать крестьянъ, безсмысленно убивши 8 чел. и 27 чел. ранивши. Въ 14 селахъ трехъ уѣздовъ было арестовано 410 крестьянъ. Но Дренякину и этого было мало; онъ испросилъ высочайшее разрѣшеніе расправиться съ вѣрившими въ царя крестьянами еще „своимъ судомъ“. Царь Освободитель тотчасъ же далъ на это разрѣшеніе. Ген. Дре-

някинъ самъ въ своемъ самосудѣ пишетъ слѣдующее: „Приступилъ я къ опросу крестьянъ, но они не винились; они стали виниться только тогда, когда я подвергнулъ 29 чел. шпицрутенному наказанію и обѣщалъ также наказать и всѣхъ другихъ“. Всего наказано по суду Дренякина 114 человѣкъ, съ назначеніемъ имъ, кромѣ шпицрутеновъ и розогъ, ссылки на каторжную работу и другихъ наказаній.

А вотъ картинка „усмиренія“ трехъ громадъ въ Малороссіи. Усмирять пріѣхалъ съ солдатами флигель-адъютантъ царя, баронъ Корфъ. „Толпа стоитъ безмолвная и неподвижная, какъ камень. Корфъ начинаетъ уговаривать громаду... Въ отвѣтъ—ни звука, ни движенія. Корфъ вторично обращается къ толпѣ... По рядамъ раздалось кое гдѣ зловѣщее „ни!“, и ни звука больше. Корфъ предупреждаетъ, что если громада не изъявитъ покорности царскому манифесту, то онъ прибѣгнетъ къ войскамъ... Мертвое молчаніе отвѣтило ему на третье увѣщаніе... Наступилъ ужасный моментъ „Повозки сюда и солдатъ“! крикнулъ Корфъ. Появились солдаты съ повозками. Громада продолжала стоять, какъ камень; царило мертвое молчаніе. „Женъ и дѣтей сажать въ повозки и увозить въ губерніи, куда я назначу!“ скомандовалъ Корфъ. Первыя минуты громада стояла, не дрогнувъ. Потомъ стали раздаваться женскіе вопли и крикъ дѣтей. Громада вздрогнула, зашевелилась; глухой стонъ прошелъ по рядамъ. Не сдавшись передъ страхомъ войска, громада сдалась передъ угрозой лишиться женъ и дѣтей“.

Такъ вводилась царская воля.

Конецъ